

В темной комнате на полу сидит молодая женщина. Перед ней лежит и светится телефон. «Был в сети был в сети был в сети был был», – раздаётся тихое пение.

Экран медленно темнеет, и женщина, замолкая, дотрагивается до него пальцем, оживляет. «Был в сети был в сети был».

Утром она ходила к сестре, сестра сказала: «Умидка, давай курпачи* подошьем», потом: «Помоги с уборкой, все равно сидишь!» Сейчас и завтра не нужно идти, не просили. Сейчас можно делать что хочешь, и Умида сидит.

На следующий день улица кишлака стоит еще без людей, Умида идет вдоль домов по серо-желтой дорожке. Петухи глухо орут в закрытых курятниках, простуженно всхлипывают ишаки. Ветер, как всегда в феврале, злой и бросается мучнистой песочной пылью в глаза и за шиворот.

Умида кутается в пальто – черное в ромбах, без пуговиц, не пальто вовсе, а отцовский чапан до пола, поправляет колючий платок. Идет она быстро, но смотрит по сторонам и успевает гадать по воротам: «Вот здесь, – она думает, – сын уехал или отец, а может, два сына поехали – ворота железные, с резьбой; в углах краской позолотили. Красиво!

* Стеганный узбекский матрас, на котором спят, отдыхают и сидят во время трапезы вокруг низкого стола.

У этих хорошо тоже – на стройке сын, там – отцу пришлось, старику, поехать».

Умида подходит наконец к нужному дому, простому, как все в кишлаке: долгая глина, быстрый песок, чуть-чуть соломы. Ворота – гранат с золотым; дутые треугольники, квадраты, кружки. Умида дышит на руку и жмет на звонок, дышит на вторую и давит еще раз.

Квадрат с треугольником делятся на два, круг становится полумесяцем.

– Ты, Умида? Поняла! – Сонная женщина протягивает пакет. Дверь она держит как щит, тихонько выглядывая.

Уже дома пакет сползает на пол, Умида растирает красные руки. Затем берет телефон, смотрит.

Дилшат был в сети второго февраля в двенадцать. Неделю назад. Умида набирает номер, звонит сестре, слышит:

– Алло, Умидка, на рынок сейчас поедем, риса нет, муки мало, приходи!

И она идет.

Умида, сестра с мужем-муллой, две дочери едут в машине почти без слов. Мулла молчит, грустный, значит, все молчат. У развала с орехами говорит:

– Позвоните потом, сумки заберу.

Сестра с дочерьми оживают.

– К Замире свататься приходили. Парень красивый, на всех фотографиях улыбается. Вернется через

год, познакомятся. Дороги, говорят, чистит. Москва! Эй, хоть бы и пораньше, ну кто знает, когда? – говорит сестра. И потом серьезно: – Дилшат звонил?

– Да. Тебе нитки нужны? Пошли!

На рынке жарится рыба, над тандыром танцует пар. Лепешки смазывают маслом и кутают в одеяло. Бубнят женщины, приглядываясь к рису. Девочка по заданию матери поправляет лопаткой чай – делает горку в мешках с листочками-запятыми.

Купили муку и рис, сладости, дочкам на платья три метра поплина в блестках.

– Давай и тебе возьмем?

– Не нужно, спасибо.

Уже уходя, встречают Лолу и Адлию – двух старух, укутанных в малахит с вишневым, в завитушках и вышивке.

– Сын деньги присылает, успел бы приехать! Навруз*, потом помирать пора... Хоронить кто будет? – причитает одна.

На ее сморщенном подбородке Умида замечает толстый и длинный волос, растущий из жирной родинки. Смотреть не хочется.

Мальчишка-мясник за дальним прилавком перекалывает потроха из таза в пакет покупателя. Черные пятна отбитой эмали, стывшая кровь, иней, газета, длинные бесконечные потроха. «Ничем не пахнет», – думает Умида.

У сестры варят плов, достают соленые помидоры. Молча едят. Хихикают девочки. За чаем сестра предлагает остаться. Но Умида спешит и уже идет домой людной улицей.

– Как дела? Дилшат скоро? Навруз ведь!

– А ваши? – отвечает, пряча глаза от новых соседских ворот.

Подойдя к дому, в кармане находит деньги и минуту смотрит на них, стоя под фонарем. Долго возится с ключами и наконец входит в дом. Скидывает пальто, вглядывается в телефон. «Был в сети второго февраля в двенадцать».

Включает свет, комната лениво желтеет, как на старом отцовском снимке. Принесенный утром пакет Умида встряхивает над машинкой, выпадает ткань – зеленая с бахромой, нитки, тесьма блестящая и колючая. Умида придвигает стул. Машинка молотит, свет не хочет светить, ткань ползет со стола и обратно.

«Был в сети второго февраля в двенадцать», – читает Умида, лежа в кровати. Сестра написала, что не подсовывала деньги. Врет.

Утро идет привычным маршрутом. Кишлак спит, ишаки кашляют и тревожатся по дворам, петухи глухо орут. Умида звонит в ворота. Гранат с золотым блеском иголками инея, пар от дыхания вытаскивает круг в другом, выпуклом, круге. Выходит женщина, берет пакет, хочет что-то спросить, но Умида кивает:

– Идите скорее спать! Рано и холодно.

И спешит обратно, не глядя по сторонам.

Через пару часов Умида закрывает ворота своего дома на ключ. Они деревянные и белесые, кое-где видны серые трещинки. «Были новые один год, а теперь лысые», – думает Умида.

Она идет через дорогу, подходит к чужому дому. Ворота железные, бугорки от слоев плохой краски. Звонит. Открывает седой старик в пыльной шерстяной шапочке.

– А, дочка Умида, проходи, – приглашает ладонью в дом.

– Нет, спасибо, деньги я принесла. Сено купите, моя же очередь.

– Зачем? Подождем, – говорит старик, – потерпим.

– Это Дилшат прислал, возьмите!

Но старик прикрывает дверь, отмахиваясь.

– Баранов твоих прокормим, всего три. Терпит!

Ветер стих. Дети играют в футбол. Мяч устало шоркает по пыльной дороге. Дух мерзлого сена и молочного пара плывет по улице. Умида идет к другой, старшей, сестре.

У нее шумно и много внуков, она не помнит всех по именам. Четыре невестки и муж-старик здесь, все сыновья в Оренбурге. Дом большой, ковры пружинят, все курпачи лежат шелковой стороной вверх. Пахнет горячим тестом, перцем, тушеной говядиной, луком. Невестки в платках и нарядных платьях чистят, скребут казаны, снимают и вешают шторы, приносят чай.

В пиалу Умиде проскальзывают чайники – рублевые листки из чайника, укладываются на дно. Старшая сестра подливает и себе, берет с тарелки пирожное, откусывает. Сыплется кокосовая стружка.

– Хорошо тебе! Детей нет, шума нет, сама себе хозяйка!

– Зачем же согласилась? С детьми его.

Старшая сестра смотрит на Умиду, обтирает от крошек губы:

– Гули, принеси чаю еще, остыл этот!

Девушка с каштановыми волосами и заколкой-бабочкой приносит и ставит на стол сине-золотой чайник.

* Весенний праздник равноденствия, или Новый год в Центральной Азии, празднуется 21 марта.

– Ты за отцом ухаживала, а мне что? – спрашивает сестра, провожая невестку взглядом. – Дом теперь твой, а люди говорят, как ветхий стал. Но я-то у себя хозяйка!

Умида берет пиалу, чай допивает глотком. Минуту смотрит, как в другой комнате встает на ножки и падает маленький сестрин внук.

Домой идет быстро. Входя, замечает, как двери скрипят, открываясь. Оглянулась: вдруг кто услышал? Только старые тополи, вспученные стволы виноградных лоз, пыль.

Дилшат был в сети второго февраля в двенадцать. Умида шьет весь день, забыв поесть.

Рано утром идет через спящий кишлак, несет сверток. Петухов не слышно, ишаков не слышно, все стоит мертвое и не дышит. Умида звонит, отдает, получает тяжелый сверток, бежит домой.

Дома она сбрасывает чапан, вяжет крепче платок: вокруг шеи, спины, груди. Открывает сверток. Пакет шуршит, там снова пакет. Внутри – банка краски.

На улице все еще мертво и кое-где фонари. Умида окунает кисть и мажет ворота, окунает кисть, мажет.

Спешит, смотрит в банку – должно хватить. Мажет бережней, чтобы следить за краской. И вот, наконец, закончила, можно войти во двор. Умида держит дверь за изнанку, проходит на цыпочках. Воздух крепко окрасился тяжелым бензиновым запахом. «Ничего, пройдет». В доме она садится на пол, стягивает платок. Волосы прилипли ко лбу и мокро лежат на шее. Умида молчит, дышит, смотрит на испачканные краской руки. «Красная. Это хороший цвет».

Дилшат был в сети второго февраля в двенадцать.

